

Философский формат творческой свободы

© Л.Б. Омарова

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, 103274, Россия

Проанализированы основные философские подходы к творческой свободе и свободе творчества — редукционистский и субстратный. Выявлена неоднозначность философского смысла творческой свободы, который обусловлен тем, что понятия «творчество» и «свобода» рассматриваются с разных сторон (моральная свобода, правовая свобода, творчество научное и т. п.). Сделаны выводы о том, что данные понятия не являются тождественными, свобода — это необходимое условие творчества. Вопрос творческой свободы и свободы творчества сегодня тесно переплетен с переизбытком информации, что приводит к стагнации свободы творчества и формирует не творческое, а аддитивное (зависимое) поведение, т. е. несвободное.

Ключевые слова: творчество, свобода, контекст, общество, личность

Философское форматирование проблемы, как правило, заключается в идеализации, систематизации и прояснении границ рационализации понятий и смыслов, близких к всеобщим. Формат творческой свободы в философском контексте отличается от формата деловой встречи или рукописи по той причине, что последние имеют количественные свойства, заданные имеющимися правилами или возможностями носителя формата. Философия обозначает в первую очередь качественные и достаточно гибкие параметры интеллектуальной работы с проблемой. Если бы в ней господствовала заданность, то существовали бы одна-две философские школы, задающие одинаковые правила рациональности на долгие времена, включая метод отыскания всеобщих смыслов.

Философский смысл творческой свободы — качественный и явно неоднозначный. Неоднозначность обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, смысл свободы и творчества — интегрированный. Во-вторых, формат творческой свободы — это даже не столько формат, сколько профиль. Профильность в данном случае указывает на тот простой факт, что философия схватывает далеко не все значения двойного понятия, поскольку сами эти понятия — и свобода, и творчество — зачастую настолько размыты и разнесены по дисциплинарным «квартирам» (моральная свобода, правовая свобода, творчество научное, творчество жизни и т. п.), что их взаимосвязь не имеет строгой интерпретации. Существует целый ансамбль

понятий, обращающий человека к творчеству: творческий процесс и творческий результат, творческий человек, творческая деятельность, творческий потенциал, коллективное творчество, креативность, творчество научное, художественное, техническое и т. п.

Необходимо заметить, что в философской литературе творческая свобода в качестве понятия употребляется нередко, но всегда применительно к контекстам — социальному, культурному, историко-философскому, психологическому. Чаще всего речь идет о свободе творчества и в первую очередь — о свободе творчества художественного. А между тем необходимо знать, какие механизмы отвечают за творческую свободу и как формируются границы смысла этого понятия.

Философские подходы к свободе творчества условно можно дифференцировать на редуccionистский и субстратный. Первый подход представляет ее подобием автомата с незначительными оговорками, но метафора автоматизма раскрывает смысл творческой свободы в качестве продукта внешних сил — социокультурных, психологических, трансцендентных. Окружающая среда — и материальная, и духовная — в данном случае предопределяет наличие или отсутствие творческой свободы. К редуccionистским способам установления связи между свободой и творчеством можно отнести и теорию условных рефлексов Павлова (условия свободы автоматически ведут к творческим идеям), и бихевиористскую модель, и примитивно понятую марксистскую концепцию примата общественного бытия над общественным сознанием. Здесь творческая свобода от человека не зависит. Однако на практике можно создать идеальные условия и для свободы, и для творчества, а творческого продукта не дожидаться, впрочем, это касается и свободы.

Смысл творческой свободы активно разрабатывается и в рамках философско-правового аспекта. Так, С.В. Мартынюк считает, что нормы границ свободы творчества регулируют интеллектуальный продукт в интересах общества, т. е. творческая свобода имеет предел, фиксированный правом. К основным нормам он относит автономию личности, моральное самосознание общества и право [1]. Автономия личности предполагает право на самоцензурирование, и в этом случае продукты творчества могут отвергаться как неподходящие или не слишком ценные для современников. Следует заметить, что самоцензура не является свободным процессом, поскольку ее основания лежат, как правило, в социальных ориентациях и предпочтениях. То же самое можно отнести к регуляторам морального самосознания общества и права: давление общепринятых моральных норм и легальное принуждение правом к исполнению общеобязательных государственных правил выступают внешними, а не внутренними предпосылками творческой свободы.

Субстратный подход к свободе и творчеству также представлен в философии. В этом случае данные качественные характеристики указывают на их природную заданность, на внешнее и внутреннее жизнеосуществление личности. Согласно И. Канту, человек от природы имеет сильное влечение к свободе. Только в условиях свободы возможна реализация замысла — всех задатков человека, в том числе и творческих. Таким образом, получается, что свобода служит расширению культурного пространства активности и является для общественного прогресса несомненным благом.

Субстратный подход к свободе можно обнаружить у К.-Г. Юнга (интровертичность — экстравертичность), З. Фрейда (Эрос и Танатос), У. Джеймса (теория инстинктов). Необходимо отметить, что представления о свободе у психологов неоднократно подвергались критическому анализу. Однако они преуспели в понимании творчества. По результатам эмпирических исследований были сделаны выводы, что, во-первых, творчество имеет внутренние предпосылки (самостоятельность мышления, нестереотипность восприятия, повышенная восприимчивость, удовольствие от внезапной идеи). Во-вторых, творческий процесс — это открытая система, выстроенная по алгоритму альтернативных вариантов, причем сами варианты имеют много интерпретаций. В-третьих, на таких этапах творческого процесса, как формирование замысла, инкубация идеи, озарение, наиболее важным является инсайт, мгновенное озарение. Именно в нем свободно интегрируются в творческий продукт сознательно отбираемые стратегии решения задач, неосознанные установки и предпочтения, ценностные ориентиры. Однако озарение к ним не сводится; оно представляет собой внезапный переход на качественно иной тип решения задачи, возникновение подлинно нового видения того, что казалось противоречивым или несовместимым. На смену дисгармонии приходит ощущение полноты и красоты найденного решения, сопровождающееся, как правило, положительными эмоциями, духовным подъемом, увеличением жизненной энергии.

Идея многоуровневой личностной саморегуляции предусматривает творческую свободу как форму активности, связанную с возможностью преодоления всех типов детерминации личности — и внешних, и внутренних (стереотипы, сценарии, привычные ориентации) [2].

Религиозный подход к творческой свободе имеет свои особенности. Если связывать данный подход с религиозными представлениями, то из противодействия добра вселенскому злу рождается преображенный человек, а само преображение зависит не только от человека, но и от конфигурации мира и Бога. Таким образом, в религиозной мысли свобода и творчество легитимированы Творцом.

Неожиданный подход к детерминанту свободы творчества предложил И.А. Ильин. «Свобода творчества не есть разнуздание к вседозволенности. Это не есть право на разврат, на пошлость и безвкусице. Но это есть право на свободную творческую молитву; это есть свобода совестного и ответственного Богохваления» [3, с. 394]. В рамках религиозного сознания можно согласиться с этой мыслью, так как сердечная молитва раскрывает трансцендирующие возможности творческой личности. Но ведь плоды свободного творчества далеко не всегда связаны с молитвой, они часто спонтанны. По этой причине можно было бы утверждать, что молитва — безусловный ресурс творчества, доступный, правда, далеко не всем.

Опыт интеграции творчества и свободы принадлежит Н.А. Бердяеву. Творческая свобода всегда связана с интуитивным компонентом, который сопротивляется логическому, системному анализу. Н.А. Бердяев писал, что «творчество необъяснимо. Творчество — тайна. Тайна творчества есть тайна свободы» [4, с. 116], и, таким образом, творческая деятельность есть творческая свобода. Творчество есть призвание, назначение, миссия и нравственный долг, продолжение дела Творца. Творческий акт входит в «космическую иерархию, освобождает от мертвенной власти низших, материализованных иерархий, расковывает бытие», созидает культуру. Всякая культура — это «продукт творческой работы духа над природными стихиями» [4, с. 116]. Поэтому в творчестве переплетены божественное и космическое, духовное и культурное, эмоциональные и трансцендирующие способности.

Особый интерес у философов вызывает научное творчество. Опыт научного творчества имеет свои особенности; в первую очередь он в гораздо большей степени обусловлен личным интеллектуальным потенциалом и способностью к нетривиальному видению научных проблем в рамках рационального мышления и рациональной интуиции. Действительно, научное или техническое открытие не имеет такой эмоциональной насыщенности и чувственной достоверности (в научной теории), как художественный образ. Оценить красоту научной теории, перевернувшей привычное видение мира, в отличие от картины, способны прежде всего сами ученые. Творческая свобода в науке имеет и другие важные измерения: социальное и моральное. Последнее — ответственность ученого за свою работу — рассмотрено в [5].

Еще одна тема из области философии творческой свободы — это ее характер в условиях глобальных процессов. Информация, которую осваивает потребитель интернет-пространства, влияет на его внутренний мир и формирует особенности творческой свободы. В этом заключается факт свободы и открытости пользования и трансляции

информационного массива. В таких условиях свобода доступа к самым разнообразным источникам создает необходимый ресурс для сравнения, аналогий и продуктивного воображения. Но так ли это? Влияет ли необозримый и «пластилиновый» (в смысле отсутствия четкой генерирующей позиции) ресурс на свободное творчество индивида?

С одной стороны, многие современные ученые, преподаватели средней и высшей школы считают переизбыточную информацию не ресурсом творчества, а шумом, затрудняющим и ориентацию, и психологическую адаптацию. С другой стороны, доступность и переизбыток информации связаны с прямой зависимостью от интернета. Если заменить рост человеческого разума в его естественных параметрах (обдумывание книг, заданий, задействование всего комплекса мелкой моторной активности, обсуждения и диалога) вектором общения с интернетом, то чаще всего формируется не творческое, а аддиктивное (зависимое) поведение, т. е. несвободное. «Выбор игровой деятельности остается за субъектом, который неясно осознает потребность поиграть, а по сути, смоделировать, спланировать, подготовиться к действительности. Он выбирает в жизни определенный вид игровой деятельности “для взрослых”. Вот он — тот рубеж, за которым и возникает зависимость. Именно здесь свобода игры становится несвободой человека! Игра “затягивает”» [6, с. 115]. Другими словами, иллюзия творческой свободы в рамках интернет-реальности возникает потому, что пользователь не имеет отношения к составлению блоков информации и часто не способен отличить свободу жизнедеятельности от свободы интернет-пользования.

Философия творческой свободы была бы неполной без понимания того, что она — не только внутренний и внешний феномен, но и способ жизни — ее важнейший экзистенциальный внутренний ресурс. Главным условием здесь выступает акт самотворения по причине того, что именно человек — источник всякого творческого действия и тем самым неиссякаемый ресурс увеличения свободы общества, его богатства, и духовного, и материального. Творение самого себя означает никогда не прекращающиеся усилия воссоздания в себе максимальной доли добра, сострадания, любви, красоты, святости, открытости миру. Следует понимать, что социальные условия жизни — только канва, контекст, фон, пусть необходимый, но не являющийся гарантией того, что человек сможет жить творческой жизнью или создавать принципиально новое. В глубинах человеческой души рождается и приобретает форму свободный творческий акт, и в нем всегда будет присутствовать загадка, тайна креативной человеческой природы.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- существует множество смысловых нюансов свободы творчества, креативности, творческого процесса, а также генезиса свободы

и творчества. Для связки «творческая свобода» их значительно меньше, поскольку речь идет о качественной взаимообусловленности творчества и свободы;

- между творческой свободой и свободой творчества нет тождества, и они не являются синонимами, хотя чаще всего употребляются как синонимы. Но в любом случае это знак полноты бытия самосознания личности;

- свобода выступает необходимым условием творчества, в то время как творчество таким необходимым условием для свободы не является;

- творческая свобода может быть понята в качестве сложного интеллектуально-эмоционального внутреннего действия, раскрывающего ресурсы самосознания не столько в качестве рационального акта, сколько озарения, дара, спонтанного преобразования, возникающего на границе непознаваемого и указывающего на трансцендирующие способности субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мартынюк С.В. *Ограничение свободы философско-правовой аспект*. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/4/yurisprudentsiya/martynyuk.pdf
- [2] Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. *Психологический журнал*, 2000, т. 21, № 1, с. 15–25.
- [3] Ильин И.А. *Религиозный смысл философии*. Москва, 2006, с. 394.
- [4] Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека*. Москва, 1990, с. 116.
- [5] Кузьмина Е.И. *Психология свободы: теория и практика*. Санкт-Петербург, 2007, 336 с.
- [6] Заховаева А.Г., Урсу А.В. Девальвация личности. *Философия и общество*, 2008, № 4, с. 115.

Статья поступила в редакцию 16.06.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Омарова Л.Б. Философский формат творческой свободы. *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 10. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-10-477>

Омарова Лейла Буняминовна — аспирантка Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ. e-mail: leylaomaroval@gmail.com

The philosophical format of creative freedom

© L.B. Omarova

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 103274, Russia

The article analyzes the basic philosophical approaches to creative freedom and freedom of creativity: reductive and substrate. The ambiguity of the philosophical meaning of creative freedom is revealed. It is due to the fact that the concepts "creativity" and "freedom" are viewed from different aspects (moral freedom, legal freedom, scientific creativity, creativity of life, etc.). It is concluded that these concepts are not identical; freedom is a necessary condition for creativity. The issue of creative freedom and freedom of creativity today is closely intertwined with an overabundance of information, which leads to stagnation of creative freedom and forms not creative but addictive (dependent) behavior, i.e., constrained.

Keywords: *creativity, freedom, context, society, personality*

REFERENCES

- [1] Martynyuk V.S. *Ogranichenie svobody tvorchestva: filosofsko-pravovoy aspect* [Restriction of freedom of creativity: philosophical-legal aspect]. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/4/yurisprudentsiya/martynyuk.pdf
- [2] Leontyev D.A. *Psikhologicheskiy zhurnal — Psychological journal*, 2000, vol. 21, no. 1, pp. 15–25.
- [3] Ilyin I.A. *Religioznyy smysl filosofii* [Religious significance of philosophy]. Moscow, AST Publ., 2006, p. 394.
- [4] Berdyaev N. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity. An attempt to justify a man]. Moscow, Pravda Publ., 1989, p. 116.
- [5] Kuzmina E.I. *Psikhologiya svobody: teoriya i praktika* [Psychology of freedom: theory and practice]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007, 336 p.
- [6] Zakhovaeva A.G., Ursu A.V. *Filosofia i obshchestvo — Philosophy and Society*, 2008, no. 4, p. 115.

Omarova L.B., Post-graduate (Ph. D.) student, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation.
e-mail: leylaomarova1@gmail.com